

— Оказывается, У Цянь все деньги, которые отыскал у себя в резиденции, отправил тебе, — лёгкий смех Его Светлости раздался в боковой гостиной.

— Нет, это не так. — Хоть Хун Юй и обладал утончённой внешностью, на деле, а точнее по характеру, являлся беспечным человеком и очень скоро крепко «спелся» с Фэн Мином, и, уладив дела с деньгами для мастерской и другими сложными проблемами, в большей степени говорил увлечённо, без какой-либо утайки. — Эти деньги я потратил на покупку сырья, ведь на изготовление доспехов требуется немало железа, разумеется, на это нужно потратиться. Однако сам я работал задаром, а он, стоя в стороне, ещё подгонял. Я для него даже много месяцев хлопотал, в итоге получил нескольких младших учеников-подмастерьев, которые помогли спешно выковать доспехи.

На что У Цянь проговорил:

— Вовсе нет, я хотел заставить Хун Юя работать, так как его ремесло заслужило моё доверие. Если же искать знаменитых ремесленников, то их труд обойдётся недёшево, и, боюсь, я был бы вынужден купить лишь один комплект вместо нескольких, а это значит, много кто из солдат остался бы без защиты. Если же искать никому не известного мастера, то вновь бы тревожился, что получу плохой результат, так в чём разница — ходить в таких доспехах или совсем без ничего? После своей спешно выполненной работы Хун Юй настолько вымотался, что заболел, за это глубоко в душе меня терзает совесть.

Хун Юй, помолчав с минуту, повернул голову и со смехом обратился к У Цяню:

— На этот раз Вы мне очень помогли, и теперь ни Вы мне не должны, ни я — Вам.

Фэн Мин, всё это время не выкидывая из головы дело, касающееся создания доспехов, обратился к Хун Юю, талантливому мастеру-оружейнику, советуясь:

— В конце концов, есть ли какой-нибудь способ, который поможет улучшить литейное искусство, тратя меньше денег, но создавая больше доспехов, тем самым принося пользу рядовым солдатам?

— Мы с У Цянем уже долгое время бьёмся над этой задачей, но, к сожалению, как бы ни улучшали, достичь цели — облачить всю армию в доспехи — не получается. — Лицо парня помрачнело, а изящные тонкие брови слегка сошлись на переносице. — Стоит подсчитать, и всё сразу станет понятно. Допустим, литейщики согласятся бесплатно создавать для каждого воина броню, более того, даже если отменить трату на уголь, что постоянно используется в литейном производстве, одна лишь стоимость сырья, а именно железа, довольно высокая, пусть даже для десятой части солдат захотим сделать доспехи, покупка такого огромного количества металла также будет ужасно затратной.

— К тому же железо — не зерно, которое можно вырастить, направив множество людей на его посадку. Такие вещи необходимо собирать в разработанных месторождениях, а для этого нужно найти гору и только тогда уже приступить к добыче. Сейчас положение в мире

неспокойное, все государи активно подготавливают войска, везде нужны железо и медь. Даже имея деньги, вряд ли можно закупиться достаточным количеством металла и прочего сырья.

У Цянь со вздохом добавил:

— Судьба рядовых солдат в человеческих глазах не стоит даже пары-тройки доспехов.

Фэн Мин, не найдя, что сказать, последовал примеру У Цяня — вздохнул.

Когда затронулась эта действительно реальная проблема, не говоря уже об У Цяне, он, называвший себя богатым молодым господином рода Сяо, почувствовал бессилие. Несмотря на имеющиеся у Его Светлости средства, трудно было бы собрать столько денег, дабы обеспечить силэйскую армию доспехами, что могли спасти им жизнь — сумма и впрямь слишком огромная.

Вдобавок, поступи он, князь, подобным образом, Сяо Цзуну не пришлось бы прикладывать руку, поскольку, возможно, госпожа Яое тотчас же, придя к сыну, накормила бы его пригоршней яда за развал векового дела семейства Сяо, и никто не осудил бы, если бы такого поистине расточительного наследника уничтожили.

В беспокойное время быть ответственным благородным также непросто — уж слишком много несправедливости, о которой стоило беспокоиться, и это удручало. Фэн Мин в общем и целом ощутил, насколько тяжело быть сострадательным[1] высокопоставленным сановником.

— Если смотреть в корень, самой важной проблемой является сырьё.

Железо и медь — редкие металлы, знать ещё думает использовать их для оружия на случай, если враг нападёт, и разве не собирается пускать на защищающие солдат доспехи?

Фэн Мин внезапно прервал молчание:

— Было бы намного проще, воспользуйся вы другим сырьём, а не медью и железом.

У Цянь с Хун Юем странно уставились на князя.

— Чего вы так на меня смотрите? — спросил Фэн Мин. — Я лишь предложил, и только-то, поговорим-поговорим, и, может быть, найдётся решение. Наука зависит от воображения, полёта мысли[2], и только тогда получается сделать шаг вперёд.

— Что тогда использовать вместо железа и меди? — сделав серьёзное лицо, Хун Юй начал обсуждение с князем. — Оружие, используемое в бою, всегда выковано из железа, острота и твёрдость зависит и определяется по природным свойствам меди с железом. Если выбрать материал недостаточно крепкий, тогда оружие может сломаться о твёрдый шлем, совершенно

не защитив тело, поэтому обязательно нужно выбирать довольно хорошее сырьё.

У Цянь тоже подхватил:

— Если бы в мире было какое-то более крепкое и дешёвое сырьё, чем железо и медь, все государи уже давно бы пустили его на ковку оружия и доспехов. Значит, подобного материала и вовсе не существует. Неужели нам придётся из камня создавать доспехи, тогда они окажутся слишком тяжёлые, смогут ли солдаты более-менее двигаться, облачась в них?

Будучи словно облитым двумя тазиками холодной воды, что опрокинули ему на голову мужчины, князь потёр нос со словами:

— Послушать вас, так кажется, действительно, подобное слишком не реалистично. Ах, как же следует поступить?

Увидев, как Его Светлость глубоко вздохнул, У Цянь вновь рассмеялся и утешил:

— Вам не стоит огорчаться, не только мы, сколько бы ни сидели и ни раздумывали над этим вопросом, не можем ничего придумать, но и все государи, желая укрепить свои войска, некогда тоже голову сломали. Наберитесь терпения и, возможно, в будущем найдётся решение.

На что князь кивнул. В это время в боковую гостиную ворвалась Цю Юэ и, поклонившись Его Светлости, серьёзно доложила:

— Управляющий Ло Дэн сказал, что есть важное дело, и просит помощи, прошу князя Мина немедленно пройти во внутренние покои, дабы обсудить назревшую проблему.

Фэн Мин испугался:

— Что за важное дело? Нельзя ли чуть позже вернуться к нашему разговору?

Получив от Его Светлости обещание снабдить средствами на постройку литейной мастерской и на покупку сырья, а также обещание обеспечить защиту, мужчины были полностью удовлетворены и, понимая, что у князя появились другие дела, и не желая задерживаться, поднялись и распрощались с Фэн Мином.

Князь также поднялся, с досадой говоря:

— Мы немного поболтали.

Бледно-красные губы Хун Юя слегка приподнялись, делая парня крайне привлекательным и дружелюбным:

— Литейная мастерская построится не за день и не за два, более того, я всё же хочу приходить советовать и докладывать, сколько понадобится материала на постройку печи, денег и прочего. Может быть, завтра явлюсь.

Стоящий рядом У Цянь тоже добавил:

— Во всяком случае я сижу бездельничаю, потому тоже приду вместе с Хун Юем. Если Чжуан Пу найдёт время на столь важное дело, тоже приглашу присоединиться к нам.

И двое мужчин, распрощавшись, ушли.

Выходящий из боковой гостиной князь, следуя за Цю Юэ, засыпал девушку вопросами:

— В конце концов, что за важное дело? Ло Дэн в такой спешке искал меня? Неужели кто-то ещё потопил караван судов рода Сяо?

Цю Юэ, сменив серьёзность, только что украшавшую её лицо, на весёлую улыбку, став очаровательной, словно цветок[3], произнесла:

— Я обманула князя Мина, откуда у Ло Дэна возьмётся что-то важное? Это государь во внутренних покоях ждёт с нетерпением и велел мне как можно скорее прогнать гостей, позволяя князю Мину вернуться к нему.

Подвешенное сердце Его Светлости сейчас опустилось; притворно разозлившись до скрежета зубов, Фэн Мин схватил Цю Юэ за лицо:

— Чем дальше, тем непослушнее становишься, кто бы мог подумать, что, услышав слова Жун Тяня, ты явишься напакостить, берегись, я тебя накажу, — закончив говорить, Фэн Мин повернулся, широкой поступью направляясь в покои, отведённые ему для отдыха.

Глядя вслед силуэту, пребывающему в приподнятом настроении от представшей встречи, Цю Юэ сжала губы и, стоя на месте, безостановочно смеялась, но вдруг, ощутив что-то странное, девушка обернулась и тотчас же помрачнела:

— Чего уставился?

Ло Юнь лишь украдкой смотрел на служанку, но, встретившись с острым взглядом девушки, ощутил огромную неловкость, после чего отвернул безэмоциональное лицо, тем самым отводя взор в другую сторону, и, спешно найдя куда направиться, немедля сделал шаг вперёд.

— Эй! — окликнула его Цю Юэ.

Ло Юнь остановился.

Подойдя и встав перед ним, не желавшая мириться девушка подняла голову и уставилась на парня:

— Куда пошёл?

Но Ло Юнь не проронил ни слова, словно считая ниже своего достоинства разговаривать со служанкой, более того, он даже не удостоил её взглядом. Цю Юэ, похоже, уже решила «бороться» с Ло Юнем до конца — девушка высоко подняла голову и, впившись взором прямо ему в глаза, ждала, когда же он что-нибудь скажет.

Спустя долгое время Ло Юнь всё же резко обронил:

— Пропусти.

— Ах, что, думаешь удрать от меня? Нет уж, от меня так просто не избавишься.

— Дай пройти.

Цю Юэ вытянула к нему правую руку раскрытой ладонью вверх.

— Чего? — нахмурился Ло Юнь.

— Верни мне.

— Чего ещё?

— Мой носовой платочек, который позавчера постирала и повесила за усадьбой на бамбуковую жердь, а ты его украл.

Мужчина мазнул по служанке мрачным взглядом, отчего девушка машинально вжала голову в плечи.

— Я не крал, — скрежеща зубами, выплюнул Ло Юнь.

— Честно? — под тяжестью столь страшного взора немного дрожащим голосом спросила Цю Юэ. Её голос слегка ослаб, растеряв всю злость, сама же девушка с сомнением всматривалась

в лицо мастера меча, от которого исходил пронзительный холод. — Тогда почему мне кое-кто рассказал, что видел, как ты прячешь кусочек небесно-синего платочка?

— Ну конечно, он упал на землю, а я подобрал.

— Упав на землю, он всё равно является моим, — также, как Ло Юнь, заскрежетала зубами Цю Юэ и, округлив глаза, вытаращилась на него: — Ты что, не знаешь, что это мой платочек?

— Знаю.

Не ожидав такой честности и откровенного от него признания, где не звучало ни капли хитрости, девушка невольно чуть смягчилась, закусилла нижнюю губу и, опустив глаза, шёпотом спросила:

— Раз уж знаешь, то почему не вернул мне?

— Ненавижу разговаривать со злобной женщиной.

На что Цю Юэ внезапно с возмущением подняла голову:

— Кто злобная женщина?

Встретившись с её взглядом, Ло Юнь тотчас же отвернулся, грубо выдохнув:

— Дай пройти.

Странное дело, непонятно, как можно было не обойти препятствующую Цю Юэ. Он, будучи превосходным мастером меча и обладающий гибким телом, которого даже с десятков Цю Юэ не остановили бы, как на зло, стоял на месте, словно прибитый гвоздями к полу, не делая шага вперёд, а, наоборот, настаивал на том, чтобы девушка пропустила его.

Сама же Цю Юэ пришла в ярость:

— Верни мой платок, тогда я дам пройти, иначе сегодня, как не хотелось бы, тебе не сбежать.

Тут Ло Юнь не выдержал:

— Неужели тебе платков не хватает?

— Так ты вернёшь или нет? — Цю Юэ вновь поменяла местоположение, встав перед мужчиной

так, чтобы заглянуть ему в глаза.

Двое, похожих на бойцовских петухов, людей, чьи тела обладали разными комплекциями — одно сильное, другое слабое — находились друг против друга, сохраняя длительное холодное молчание.

В итоге Ло Юнь медленно отвёл взор и наконец вытащил из-за пазухи чистый небесно-синий с оттенками зелёного носовой платок и, не проронив ни слова, вручил служанке.

Охваченная неопишуемой яростью девушка, выхватив из рук собственноручно вышитую вещицу, бросила на землю и, скрежеща зубами, начала беспорядочно топтать.

Стоящий в стороне Ло Юнь холодно смотрел на сие действие, но заметив, что девушка, вдоволь потоптавшись, успокоила частое от злости дыхание, приглушённо сказал:

— Я так и знал.

Отчего Цю Юэ почти подпрыгнула, пискляво спрашивая:

— Ты знал? Что ты знал?

Но парень, сомкнув губы, фыркнул. Цю Юэ свирепо уставилась на него и, не обращая внимания на изменившийся до неузнаваемости платочек, развернулась, намереваясь удалиться во внутренние покои. Однако сделав несколько шагов — похоже, гнев не до конца рассеялся — Цю Юэ вновь резко развернулась.

Не успев открыть рот, служанка испугалась неизвестно когда тихо выросшей тени позади. Цю Юэ собиралась было закричать, однако сильные руки бережно, но одновременно с этим крепко схватили и дёрнули вперёд, вжимая девушку в крепкую мужскую грудь.

— Ты... — горячие губы с силой прижались к её устам, целиком и полностью поглощая последовавший крик и всхлипы. Цю Юэ от изумления выпучила глаза, глядя на почти превратившегося в незнакомца красивого убийцу.

Все усилия под тяжестью пронзительно холодного, но вдобавок страстного взгляда иссякли.

Государь и князь Мин в опочивальне шумели, а Жун Ху, как и всегда, невозмутимо стоял за дверью, охраняя господ. Тихо подошедший к нему Ло Юнь встал рядом, сохраняя молчание.

— Ну как? — приглушённо спросил Жун Ху.

Ло Юнь покачал головой. Товарищ немного удивился:

— Неужели ты так ничего не сказал ей?

На что Ло Юнь вполголоса ответил:

— Можно считать, что сказал.

— Как именно?

— Ни слова не вымолвив.

Жун Ху ещё сильнее нахмурился:

— Ты собираешься со мной загадками говорить? Как можно сказать, не вымолвив ни слова?

— Я поцеловал её, — прохладно вернул Ло Юнь.

— Что? — чуть не выпалил во всеуслышание Жун Ху, но, проявив бдительность, немедленно закрыл рот, после чего заглянул в комнату — не встревожил ли государя с князем, и только тогда понизил тон: — Я хотел, чтобы ты по-другому выразился о своей тоске в глубине души, но не хотел, чтобы ты так... так... Ладно, как отреагировала Цю Юэ после поцелуя?

— Весьма гневно.

Тяжёлый вздох сорвался с губ силэйца.

Конечно, тут без всяких сомнений, ведь характер Цю Юэ ничуть не лучше тигрицы[4], тем более к Ло Юню она относилась озлобленно и грубо. Несмотря на все увещевания со стороны Цю Лань и Цю Син, Цю Юэ, наверное, проявляла интерес к Ло Юню, так или иначе он, мастер меча, не мог слишком смело утверждать подобное. Ну, возможно, когда-то и был небольшой интерес, но сейчас из-за горячности Ло Юня всё испортилось.

Спустя долгое время Жун Ху похлопал товарища по плечу, с серьёзностью утешая:

— Не стоит слишком близко принимать к сердцу, в будущем позволь ей успокоиться. Было бы замечательно посоветоваться насчёт подобного с Ле-эром, будь он здесь. — Вспомнив, что так и не выяснилось, где находится его младший брат, Жун Ху принял вид, полный печали и беспокойства[5], однако, немного погрузив, спросил Ло Юня: — Всё-таки Цю Юэ сильно разгневалась?

— Она сказала, — раздосадованно нахмурился Ло Юнь, — если я кому-нибудь осмелюсь об этом рассказать, она немедленно меня убьёт.

Жун Ху оставалось лишь посочувствовать.

Два охранника, защищавших Фэн Мина, поначалу враждовали, но после того, как сошлись плечом к плечу в ожесточённой битве на реке Оман, подружились, и чем дальше, тем крепче становилась их дружба. И вот сейчас из-за случившегося с Цю Юэ инцидента их отношения приобрели, наоборот, своего рода молчаливую солидарность, как у товарищей по несчастью.

В момент, когда двое мужчин единодушно тихо страдали, княжеский смех и утрирующие крики едва слышно раздались из комнаты:

— Спасите господина! Спасите господина! Убивают, а... Умф... Ты — невежественный правитель, договорились же не заниматься этим на письменном столике... Умф... Ум... Ах... — цепочка приглушённых звуков, больше похожих на звуки потрескивания, раздалась сквозь занавеску, тревожа слух.

Казалось, то ли стул, то ли что-то другое из мебели во время устроенного двумя господами переполоха было отброшено в сторону, и не исключена возможность, что даже стоящие на столике тушечница и кисть пострадали заодно[6].

Телохранители Его Светлости невольно переглянулись.

— Насчёт твоей проблемы, возможно, у князя Мина найдётся какой-нибудь выход, хочешь пойти к нему спросить? — попробовал поинтересоваться Жун Ху.

Взгляд товарища резко дрогнул, а сам Ло Юнь категорически покачал головой. И после короткого молчания деланно вернул:

— Насчёт этого, если ты кому-нибудь скажешь, я тоже тебя убью.

Жун Ху покачал головой со словами:

— Цю Юэ убьёт меня, а не ты.

Неподалёку от временной резиденции Его Светлости, в которой развлекались Жун Тянь с Фэн Мином.

За стеной, служившей оградой в строго охраняемом садике временной резиденции, где сейчас проживал князь Мин, в специально отведённой тайной комнате резиденции Хэцин на стуле восседала только что прибывшая Ло Цяньцян и, удерживая в пальцах серебряную чашечку, злобно процедила:

— Яое, эта мерзавка[7], тоже находится вблизи Тунцзэ и, по слухам, недавно наносила визит сюда к Шу-вану[8].

— Она приезжала увидеться с князем Мином, но пробыла здесь недолго, я даже встретиться с ней не успел.

Ло Цяньцзянь слегка фыркнула:

— Эту женщину покамест не будем упоминать, когда Шу-ван начнёт претворять свой план в жизнь? — спокойно повернув белоснежное с нежно-розовым оттенком, словно высеченное из нефрита, лицо, женщина взглянула на Цин Чжана.

Сердце в груди царствующего дядюшки дрогнуло. Нельзя сказать, что эта женщина не обладала непревзойдённой красотой, однако она была полна угрожающей и соблазнительной мощи, более того, она всегда делала вид, что в будущем позволит Цин Чжану делать всё, что мужчине заблагорассудится, но по нынешнему её виду было понятно — притронуться к себе женщина не позволит, чем ещё больше вызвала нестерпимый сердечный зуд. Возможно, оно и к лучшему, что существовала подобная недостижимость.

— Я тоже думаю как можно скорее нанести удар, — приглушённо сказал Цин Чжан, вздохнув. — Но садик крайне тщательно охраняется. Я поначалу ошибочно предположил, что благодаря радушному гостеприимству и дружескому отношению князь Мин потеряет бдительность, и таким образом будет удобнее нанести удар. Но его подчинённые по-прежнему осматривают вещи, присылаемые мной. Вдобавок они не соглашаются принимать заботу отправленных мной служанок, которых отсылают обратно. Он хоть и живёт в моей резиденции, на самом деле это ничем не отличается от отдельного жилища, за которое вносят плату[9]. Что происходит внутри, никоим образом не разузнать, не говоря уже об опочивальне, где князь отдыхает и к которой не подступить.

Ло Цяньцзянь сухо улыбнулась, а на лице появилась шелковинка хладнокровной безжалостности:

— Насчёт охраны Шу-вану не стоит слишком волноваться, людей семьи Сяо я могу в любой момент отослать. Без мастеров меча Сяо Цзуна при сыне этой мерзавки останутся только несколько охранников, приставленных Жун Тянем. Цин Ли, потратив деньги, тайно отправит людей, которые даже с пустяковым солдатом разберутся. Даже если не получится расправиться, надеюсь, у Шу-вана найдётся способ помочь Его Высочеству покончить с врагом, верно?

— Жёнушке не стоит переживать, раз я уж согласился с Вами, не нарушу слова, не сомневайтесь.

Женщина сохраняла холодность на лице, однако в её взгляде, брошенном на Цин Чжана, читалась едва заметная мольба о помощи; два крайне несочетаемых друг с другом настроения выглядели уместно, чем возбуждали мужчину, заставляя всё его естество воспрять и проявить пылкость.

— В руках Цин Ли находятся несколько мастеров меча, я, будучи здесь, всё разузнал: недавно

он отправил крупные деньги двум знаменитым мастерам меча Бэйци, помимо этого, из Пужун прибыл искусный лучник. У Цин Ли, этого мелкого подлеца, хоть голова не соображает, но с подобным делом он справился и впрямь неплохо: имея такую мощь, если начнётся заварушка, вполне возможно, справимся с приближённой силэйский охраной князя Мина.

Услышав подробный доклад, Ло Цяньцянь опустила взгляд красивых глаз, тихо вымолвив:

— В таком случае, Шу-ван, позволь Цин Ли, при удобном случае, нанести удар сыну этой мерзавки.

— Насчёт Цин Ли, сейчас, помимо всего прочего, появилась одна загвоздка...

— Что за загвоздка?

На что мужчина задал встречный вопрос:

— Жёнушка слышала, что жена Цин Ли, принцесса Чан Лю, забеременела?

— И как это связано? — в изумлении спросила женщина.

— Крайне тесно, — вернул Цин Чжан. — Чан Лю забеременела, а Цин Ли, подвергшись подстрекательству со стороны её свиты, вопреки ожиданиям, вновь стал обращать внимание на принцессу и за последние два дня появлялся в садике резиденции Её Высочества, желая навестить её.

— Мужчины все такие — не женщину трепетно любят, а лишь ценят ребёнка, которого она вынашивает в животе, и только. — Вспомнив неизвестно о чём, Ло Цяньцянь обнажила свирепую ненависть, таящуюся глубоко в душе, и, помолчав немного, снова вернула себе беззаботную интонацию: — Отправленная Шу-ваном Чан И разве нечасто даёт Цин Ли лекарство? Неужели новость о скором рождении ребёнка стала настолько значимой, что принц даже стал сопротивляться силе лекарства? По слухам, Цин Ли уже долгое время принимает его. Собирается ли Шу-ван отправить людей к Чан И, дабы сообщить ей о случившемся и приказать увеличить дозу лекарства?

Цин Чжан со вздохом сказал:

— Я тоже крайне удивлён. Несколько дней назад я уже отдавал часть лекарства Чан И, отправив его в тайной записке, к тому же в письме ещё говорилось давать новое лекарство Цин Ли ежедневно. Все эти лекарства я собственноручно готовил, согласно рецептам, специально добавил дорогую дурман траву, что доставили из Ли по моей просьбе, потому действие лекарства должно быть ещё сильнее. Но, опираясь на письмо Чан И, которое недавно пришло, последние несколько дней рассудок Цин Ли не затуманен, как раньше, впрочем, Его Высочество ежедневно жалуется на головную боль и изредка может злиться на Чан И.

Выражение лица Ло Цяньцзянь оставалось холодным:

— Его желание убить того маленького ублюдка изменилось?

Из информации, предоставленной Цин Чжаном, женщина уже давно поняла: всё то — почему Цин Ли считал Фэн Мина виновным в смерти отца-императора, к тому же собирался отомстить князю, убив его — являлось по большей части результатом выпитых лекарств Чан И, которая, пользуясь моментом, пока разум принца находился в бредовом состоянии, науськивала Его Высочество. Если же Цин Ли вышел из-под контроля своей любимой наложницы, то план вынужденно стоило прервать.

Тщательно подумав с минуту, Цин Чжан медленно покачал головой:

— Вряд ли. Хоть Его Высочество немного больше внимания уделяет беременной Чан Лю, вот только в Чан И до сих пор души не чаёт, ложась спать в её покоях. К тому же Чан И даёт пилюли, а Цин Ли их ежедневно принимает, как обычно. Видно, что он до сих пор очень доверяет Чан И. Всегда при длительном применении лекарства есть период, когда его эффект нестабилен, принимать его надо снова и снова, что тоже неудивительно. Возможно, через несколько дней всё вернётся на круги своя.

Однако, как бы царствующий дядюшка ни ломал голову, однако не мог предположить, что Хэ Ди, этот даньлинский принц, вместе с тем глава пиратов, который, в свою очередь, со всех сторон расследовал сложившееся положение — где бы ни находился — направил своих подчинённых наблюдать за людьми, вызывающими у него подозрения.

Подобное поведение появилось не из-за страха смерти, а потому, что морские разбойники привыкли к изменчивому, опасному и загадочному морю, развив в себе врождённый рефлекс, с помощью которого, а также приложив немало усилий, можно было управлять всевозможным положением и всегда с лёгкостью противостоять возникшей опасности.

Царствующий дядюшка даже не догадывался, что Хэ Ди потрудился и тайком подменил пилюли, а настоящие, что слуги подложили под камень для Чан Лю, уже попали в руки Его Высочества и сейчас служили инструментом устрашения добычи принца — Цзы Яня.

А Цин Ли каждодневно принимал поддельное лекарство, вот только оно являлось местным даньлинским снадобьем, лечащим запор, которое, как обнаружила охрана Хэ Ди, почти ничем, даже запахом, не отличалось от оригинального лекарства.

Опустив голову, Ло Цяньцзянь задумалась на минуту, после чего подняла лицо, тихо сказав:

— Снова промедлим, и, боюсь, появятся ещё какие-нибудь проблемы. Пока Цин Ли находится под контролем людей Шу-вана, и подсланные убийцы почти завербованы, мы должны немедленно действовать.

— Немедля? — ненадолго растерялся Цин Чжан, а после шёпотом добавил: — Чтобы успешно нанести удар, следует того князя сначала отправить в резиденцию принца Цин Ли, к тому же тайком сообщить об этой новости самому Цин Ли, чтобы позволить Его Высочеству перебросить своих людей и убить его. Время ещё не пришло, жёнушке не стоит действовать опрометчиво.

На что женщина нежным голосом задала встречный вопрос:

— А когда, по мнению Шу-вана, наступит подходящий момент?

— Жёнушка, не нужно торопиться, ведь очень скоро у моего старшего брата Цин Дина состоится день рождения, и хоть он пропал без вести, а по некоторым слухам и вовсе скончался, но его труп так и не нашли, он по-прежнему является правителем Тун, это значит, всей стране по правилам этикета нужно провести торжественную церемонию. Согласно общепринятым правилам, действующим до сих пор, вся столица Тунцзэ будет отмечать, праздник начнётся в резиденции наследного принца, чтобы Цин Ли выразил сыновью почтительность. Если князь Мин в этот момент окажется в резиденции Тунъань, тогда это будет наилучшим шансом для Цин Ли, к тому же все люди могут посчитать, что Его Высочество, охваченный тоской по бесследно пропавшему отцу, безжалостно убил причастного к этому врага в день рождения отца-императора.

Ло Цяньцзянь хмуро проговорила:

— Сын той мерзавки очень боится смерти, так каким образом он согласится пойти в резиденцию Цин Ли?

— На этот счёт жёнушка может быть спокойна, такой человек, как он, на первый взгляд может показаться робким, однако чаще всего совершает смелые поступки. Что насчёт убийства тунского правителя, так эти ложные слухи приводят князя в ужасную ярость, более того, Его Светлость надеется отыскать возможность снять с себя данные обвинения. — Цин Чжан уверенно добавил, смеясь: — Исключительно в такой важный день его появление в стенах Тунъань может означать, что князь не робкого десятка, более того, он продемонстрирует всей стране свои искренние помыслы, заработав для рода Сяо ещё больше денег. Полагаясь на подобную мелочь, князь будет взволнован и пренебрежёт безопасностью. Само собой разумеется, этот царствующий дядюшка убедит его, что безопасность Его Светлости будет вверена многочисленной армии Тун, и Цин Ли не посмеет даже волоска его коснуться.

Закрыв глаза, женщина впала в глубокую задумчивость. Мерцание тусклого света лампы, что горела в тайной комнате, колыхалось на уже немолодом, однако до сих пор привлекательном и трогательном лице. Спустя долгое время яркие глаза, в которых таился холодный блеск, медленно открылись. Посмотрев на Цин Чжана, женщина подняла уголки губ и улыбнулась, словно полупрозрачная стрекоза, скользящая по водной глади[10].

— Хорошо, в таком случае я дождусь того дня.

Примечания:

[1] 悲天悯人 (bēitiān mǐnrén) — бэйтянь миньжэнь — означает «скорбеть о мире, жалеть людей», обр. в знач.: любить народ, проявлять сочувствие к людям.

[2] 天马行空 (tiān mǎ xíng kōng) — тянь ма син кун — «небесный скакун мчится по воздуху», обр. в знач.: полёт мысли, богатство воображения, неумная фантазия.

[3] 如花 (rúhuā) — жу хуа — поэт. «подобный цветку» (о женской красоте).

[4] 母老虎 (mǔlǎohǔ) — мулаоху — тигрица, а также образно о злой, расвирепевшей женщине.

[5] В оригинале используется 脸上愁云 (liǎnshang chóuyún) — ляншан чоюнь — переводится как «на лице густые облака/свинцовые тучи», данная фраза является метафорой грустного выражения лица или убитого горем, скорбного, печального человека. Есть также вариант 愁云惨淡 (chóuyún cǎnwù) — чоюнь цаньву — «тяжёлые тучи и густой туман», обр. в знач.: мрачный, чёрный как туча.

[6] В оригинале фраза звучит как «когда горят городские ворота, гибнет рыба в городском рву» — обр. в знач.: страдать, пострадать вместе.

[7] Ло Цяньцзянь называет Яое 贱人 (jiànrén) — цзянь жэнь — кит. театр. бран. «негодяйка», «мерзавка», «дешёвая тварь».

[8] 王叔 (wáng shū) — «царствующий дядюшка».

[9] Цин Чжан говорит о съёмном жильё.

[10] 蜻蜓点水 (qīngtíng diǎnshuǐ) — цинтин дяньшуй — «[подобно тому, как] стрекоза касается поверхности воды», обр. в знач.: слегка, едва.

<http://bllate.org/book/13377/1190258>